

Сказки Александра Степанова

Карлик

КАРЛИК

Сказка

Александр Степанов

КАРЛИК

Не подумайте, что всё это происходило в нашей стране. Нет, у нас такого не было, и быть не могло. У соседей тоже ничего подобного не случалось, а если бы что случилось, мы бы первыми узнали об этом. А так я даже понятия не имею, откуда такие вести примчало к нам. Может, сороки на хвосте принесли, может, ветром из заморских стран надуло, а то кто-нибудь из наших шутников решил народ позабавить да и сочинил такую небывальщину. А скорее всего, приснилось всё это мне, а я по старости лет и забыл про тот случай. Честно признаюсь, в последнее время по ночам всякая чепуха в голову лезет. Лежу иногда и думаю, то ли во сне всю эту дребедень видел, то ли наяву когда-то со мной происходило. Думаю-думаю, да махну рукой: «Шут с ней с этой историей, была – хорошо, не было – и так ладно».

* * *

А началось всё с того, что в том государстве, откуда берёт начало наша сказка, умер царь. Вроде бы и не старик ещё, здоровым был, крепким, правил по совести, народ не притеснял, министров своих уважал, жену любил. С каждым днём государство богатело, становилось крепче: нивы дарили небывалые урожаи, скот давал вдоволь молока и мяса, женщины не уставали рожать детей. Мужики по первому зову царя становились под ружьё и жизнью своих не жалели,

чтобы защитить отечество и своего любимого государя.

Но не всем это нравилось. Многие правители-соседи завидовали царю и при всяком случае старались насолить, то есть, попросту говоря, пакость подстроить. То какую-нибудь ведьму наймут, чтобы она на это царство порчу наслала, то разбойников пошлют туда, чтобы в стране смуты устраивать.

Как бы там ни было, но на престол после смерти отца сел сын. Обрадовались завистливые соседи. «С молодым-то да не опытным царём, – думали они, – мы как-нибудь теперь управимся, правдами или неправдами заберём его царство». Но не всё так просто. Царь хоть и молодой, но башковитый, весь в отца, пошел по жизни по стопам родителя – след в след. Правит справедливо, сам хорошо живёт и людей не обижает. Ну а те погоревали о смерти прежнего правителя и вскоре успокоились. Чего же слёзы лить, если новый царь-государь не хуже усопшего.

Живут люди дальше, радуются: хлеба у них вдоволь, молока и мяса тоже, пчёлы мёд носят, деревья плоды дарят, на праздники вино рекой льётся.

А тут у народа новая радость: царица наследника рожать надумала. Каждый близкий или далёкий человек понимал, что рождение сына станет праздником не на один день, а, может, и не на одну неделю.

И вот долгожданный день наступил. Царицу в опочивальню увели, старух повитух со всего царства собрали, мамки-няньки в ряд выстроились, готовые ребёнка на руки принять, царь по палатам ходит,

волнуется, ждёт наследника. Надоест ждать, подойдёт к двери, за которой царица с повитухами находится, спросит через дверь:

– Не родила ещё?

А ему из-за двери кто-нибудь ответит:

– Нет, батюшка, пока не родила, видно, богатырь будет. Подожди, милостивец.

До полуночи сидел царь, ждал, не знал, куда деть себя. А вот соседи-злыдни знали, чем его распотешить. Собрали они войско, да и двинулись на царёво государство. «Царю, – решили они, – сейчас не до нас, жену оберегает, наследника ждёт, к пиру готовится, а мы его тёмной ночью и потреплем, как собака зайца». Вроде бы всё правильно они рассчитали: царь занят, ночь тёмная – трудно разглядеть врага, ветер свищет, гром гремит – трудно услышать поступь захватчиков, дождь как из ведра льёт – сторожевые псы не унюхают.

И всё же дозорные заметили их, вступили в неравный бой, послали к царю за помощью. Не дождался царь рождения сына, кликнул своих воев, вскочил в седло, быстрее ветра помчался на поле боя. Ох и жестокая то была сеча! Всю ночь рубили друг друга противники, никто не хотел уступать. День настал, а битва продолжилась. Много воинов погибло, но ещё больше подоспело с обеих сторон.

Ближе к утру разрешилась царица от бремени, родился, как и ожидали, сын. Только радости это никому не доставило, потому что после тяжких мук и долгого ожидания появился на свет не богатырь, о котором мечтали царь с царицей и все добрые люди, а маленький горбатый карлик. Увидели его бабки-

повитухи и в страхе на пол попадали. А по дворцу недобрые слухи поползли. Все узнали про царёво горе, но ему ни одна живая душа об этом не сказала. Доложили только, что сын у него родился, наследник. Хотел было царь домой навеститься, да ратные дела не отпустили. Лезут и лезут враги с разных сторон. Победить их сил нет, но и отступать некуда.

Так пролетали день за днём, год за годом. Со страхом ждёт мужа царица, боится, что упрекнёт её, не признает сына. А тот уже вырос, вернее, повзрослел, ведет себя как взрослый, а ростом, как говорится, от горшка два вершка. Как ума набрался, пристал к матери:

– Скажи, матушка, где мой отец?

– На войне, сынок.

– А почему он домой не едет?

– Врагов много, никак их побить не может.

В другой раз спрашивает у матери:

– А отец у меня такой же маленький как я?

Заплакала царица:

– Нет, сынок, отец у тебя богатырь: ростом до потолка, в плечах косая сажень, ухватится за дерево – с корнем вырвет, ударит кулаком камень – тот в пыль рассыпается, крикнет во всю мочь – реки из берегов выходят. И ты должен был богатырём родиться, но какая-то злая сила заколдовала тебя и нет тебе ни роста, ни силы.

– Не горюй, матушка, роста нет, силы мало – это плохо, зато голова на плечах есть. Отыщу я того злыдня, что на тебя порчу напустил.

– Ох, сынок, и не думай об этом, где же тебе справиться с лиходеями.

– Справлюсь, ты только вспомни, в ту ночь, когда ты рожала меня, были у нас во дворце или во дворе чужие люди.

– Не было, мне бы доложили, да и отец не допустил бы этого. А на улице ветер выл, гром гремел, дождь в окна стучал, вороны, как всегда, ссорились друг с другом.

– Вот у них я всё и разузнаю. Собери меня в дорогу и напутствуй добрыми словами.

Наутро, едва солнце протёрло глаза, отправился карлик в путь. Мать, конечно, погоревала, но потом решила, что пусть попытает своё счастье. Чем жить таким уродцем, лучше и вовсе умереть.

А карлик тем временем шёл и шёл, пока не повстречал мужичка.

– Здравствуй, добрый человек, – сказал он, – может быть, ты знаешь, где ветер сыскать?

– А зачем он тебе?

– Спросить хочу.

– Что ж, спрашивай, я и есть ветер.

– Ну, если так, то скажи, помнишь ли ты ночь, в которую царица дитя рожала?

– А как же, ночь тёмная была, тучи всё небо закрыли, дождь как сумасшедший в окна стучался.

– А ты случайно не видел каких-либо супостатов, что на царицу порчу наслали?

– Не видел, не до этого мне было, я тучи гонял, работа у меня такая. Может, дождь кого-нибудь приметил.

– Спасибо, пойду дождь искать.

– А зачем искать, сейчас я его пригоню сюда.

И он принялся дуть всё сильнее и сильнее. Пыль поднялась до неба, деревья пригнулись к земле, а из-за дальних гор показались грозовые тучи. Последний раз дунул ветер, и первые капли дождя застучали по земле.

– Вот тебе и дождь. Можешь спрашивать у него.

– Дождь дорогой, помоги мне. Помнишь ли ты ночь, когда царица рожала?

– Конечно, помню.

– А ты никаких супостатов не видел? Они на царицу порчу наслали.

– Темно было, я немного постучал в окна, но на мой стук никто не ответил, а потому я занялся делом, стал поливать огороды, поля, деревья. А ещё пыль прибил, которую поднимал ветер. Работа у меня такая. А может быть, вороны знают. Они целой стаей на деревьях сидели. Ветер пытался сдуть их, я вымочить, но они только хохлились, каркали, а сами – ни с места.

– Спасибо вам на добром слове. Пойду тех ворон искать.

– Да что их искать. Они вон, посмотри, сами сюда летят.

– Эй, вороны, – закричал ветер, – летите сюда, надо человеку помочь.

Услышали его вороны, сделали круг над поляной, где стояли наши герои, и опустились на ближайшие деревья.

– Спрашивай вон того большого ворона, он у них самый главный.

– Добрый ворон, помоги мне. Не помнишь ли ты ночь, когда царица рожала?

– Помню.

– А не видел ли ты что-нибудь необычное во дворе?

– Я не видел, ветер с ветки сдувал, дождь как сумасшедший хлестал, надо было о себе побеспокоиться. Все силы потратил, хорошо, что с дерева не сдуло и не смыло. Но ты не спеши отчаиваться, я сейчас у всей стаи спрошу.

Каркнул ворон, загладели его собратья, и уже через минуту стало ясно, что и вороны никого не видели.

Загрустил царевич, опустил голову и поплёлся умываясь слезами домой. Ветер и Дождь только и успели ему вслед крикнуть:

– Ты уж прости нас, царевич, что не помогли тебе ничем, но никто не ведает, что завтра будет

Не успел карлик и десять шагов пройти, как к нему подлетел маленький захудаленький вороненок. Он опустил на плечо и прямо в ухо громко крикнул:

– Старики-то не усмотрели, а я всё видел.

– Говори скорее, что же ты видел? – заторопил его карлик.

– Я многое видел, – заважничал воронёнок, – видел, например, что в ту ночь под окнами, где была царица, черный кот торчал.

– Эх, воронёнок, не того ты видел. Это же наш дворовый кот, он до сих пор у нас во дворе живёт.

– Может быть, и так, – разочарованно протянул воронёнок. – Но ты всё-таки попытайся поговорить с ним. Вдруг он кого-нибудь видел.

Вернулся домой карлик. Мать, конечно же, обрадовалась, стала расспрашивать его о том да о сём. Сын ей всё рассказал, но о коте умолчал. Решил сам с ним по душам поговорить.

Позвал его в свою комнату, посадил на колени, гладит по голове, тот мурлычет, а карлик тихонько подпевает ему. Долго сидели так, а потом карлик спрашивает:

– А скажи-ка мне, Мурлыка, был ли ты во дворе, когда моя мать рожала?

– Был, мур-мур.

– А кого ты видал там, скажи, пожалуйста?

– Ночь видел, ветер с дождём да ворон на деревьях.

– И всё? – чуть не заплакал карлик.

– И всё, больше никого не видел, но слышать слышал.

– Мурлыка милый, не тяни кота за хвост, говори скорее, что ты там слышал.

– Сначала я услышал чей-то противный смех. Я подумал, что он идёт из окна, где рожала царица. Я поэтому и подался туда. Постоял под окном, нет, смех не оттуда доносился. Я ещё постоял и вот в тот миг, когда родился ты, кто шепотом сказал: «Родился урод, всю жизнь уродом проживёт, – и засмеялся. А потом добавил, – если, конечно, не умрёт».

– Значит так, – стукнув кулаком себя по коленке, воскликнул царевич, – жить уродцем всю жизнь не

собираюсь, лучше уж сразу умереть. Матушка, – закричал он, – собирай меня, я к батюшке на войну поеду.

– Сыночек миленький, ну куда же ты поедешь, какой из тебя вояка. Ты же ростом три вершка, любой враг нечаянно наступит на тебя и раздавит, даже не заметит этого.

– Всё равно собирай, – стал настаивать сын, – я дома ни за что не останусь.

Заплакала мать, закручинилась:

– Да на чём же ты поедешь? У нас дома ни одного коня не осталось, все на войне.

– А я в стойле ослика видел, вот на нём и поеду.

– У нас и оружия боевого нет, всё воины отцовы на войну унесли.

– А я большой нож из кухни возьму.

– А с кем же я тебя на чужбину отправлю. Во всём царстве ни одного мужика не осталось, все с батюшкой твоим врага воюют.

– А я с собой Мурлыку возьму и воронёнка, вон того, что в окошко к нам заглядывает.

Погоревала мать, но сына всё-таки собрала, слово мужчины в их царстве всегда было последним.

Рано утром отправилась эта троица искать царя-батюшку. Долго они мотались по белому свету, сами дорогу не знали, и спросить не у кого. Наконец выбились из сил, сели на обочине горной дорожки и заплакали. И кот плачет, и воронёнок, но сильнее всех карлик-царевич. Обидно ему, что все силы растратил, ноги избил, а до батюшки добраться не сумел, хотел помочь да не получилось.

К вечеру, правда, все немного успокоились и остались здесь ночевать. Наступила ночь, легли друзья на травку и уснули, посапывают помаленьку да сны смотрят. И только кот Мурлыка не спит, хоть и сопит в две дырочки, а сам к любому шороху прислушивается. Ночью, как вы знаете, любой звук за версту слышен. Вдруг почудилось ему, что неподалёку кто-то разговаривает. Прислушался, верно, чей-то шёпот и голос знакомый:

– Молодец, брат, что дорогу ему запутываешь. Нельзя, чтобы он к отцу пришёл. Много дел может там натворить, если только узнает, как это сделать.

– Я и завтра ему вредить буду. С утра направлю по правой дороге, которая приведёт его домой к матушке. А левую – засыплю камнями и буреломом, по ней и добрый молодец не проедет. Пусть уж наш царевич дома сидит, отца дожидается. А ждать, я думаю, долгонько придётся, победить врага у царя сил не хватает, а взять их неоткуда.

Засмеялись говорившие, и тут кот Мурлыка сообразил, что это те самые голоса, которые он слышал в ночь, когда родился царевич. И смех у них был не громкий, но такой же противный, как и в тот раз.

Проснулись друзья на следующее утро рано, стали думать куда идти. Карлик говорит, что надо направо, потому что там дорога лучше, значит, по ней люди ходят, а левая дорога камнями да буреломом засыпана, по ней никто не пройдёт. Ослик и воронёнок согласны с ним, а кот Мурлыка не соглашается.

– Нет, – говорит он, – надо налево идти, там наш царь войну ведёт.

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю и всё тут.

Хоть и с трудом, но согласились друзья с котом и пошли налево. Трудно им было по камням карабкаться, через поваленные деревья перелезать, но выдержали они эти испытания и выбрались, в конце концов, на хорошую дорогу. Сели передохнуть, а воронёнок полетел на разведку. Недолго летал он, через минуту-другую вернулся и доложил:

– Видел я впереди широкое поле, стоят на нём наши воины, все в белых доспехах, а во главе царь наш, отец твой, царевич. А напротив их стоят враги наши в чёрных доспехах. Видно, что и те и другие воины устали, ни у кого сил не осталось, победить не могут и уйти нельзя.

– Ой, молодец, воронёнок, быть тебе главой вороньей стаи, птичьим царём, а мне спешить надо, отцу помочь.

Стоит белое воинство, думу думает, как с врагом справиться, где силы взять для победы. Вдруг видит, откуда ни возьмись, выскочил вперёд маленький карлик на сереньком ослике, вытащил из-за пазухи большой кухонный нож, размахивает им как настоящим мечом и мчит прямо на вражеское войско. А чёрное войско не видит карлика, им кажется, что скачет на них могучий богатырь, высокий как дерево, могучий как скала, врезался он в их строй и начал рубить повинные головы: влево махнёт сто голов на полу, направо – и того больше. Испугались разбойники, дрогнули и побежали. А тут и белое воинство очнулось и тоже напало на противника.

Хотел Главный разбойник остановить убегающих вояк, но те не послушали его. С досады вложил он самую большую стрелу в свой лук и пустил её прямо в сердце богатыря. Радостно запела тетива, рванулась стрела вперёд, но долететь до цели не смогла, неожиданно налетел ветер, дунул с такой силой, что стрела улетела далеко-далеко в небо выше облаков почти к самому солнцу.

Вскоре затихло сражение. Ни один вражеский воин не ушёл от возмездия. Радуются победители, целуются, обнимаются, песни поют. Царь тоже радуется, наконец-то он жену увидит, сына обнимет, к груди прижмёт. Подошёл он к карлику:

– Спасибо тебе, сынок, крепко ты нас выручил. И как же ты такой маленький, слабенький сумел огромное войско победить?

– А это, царь, не так уж и трудно, побеждают ведь не силой а отвагой.

– Ты не только смелый, но и очень умный, сынок.

– Спасибо, царь, но почему ты всё время называешь меня сынком?

– Потому, мой друг, что я очень бы хотел иметь такого сына.

– Что ж, царь, если это правда, то можешь обнять меня, я – твой сын, а ты – мой отец.

Тут он и рассказал отцу всё, что произошло дома в его отсутствие. Заплакал царь от счастья, только хотел обнять и прижать к груди сына, как вернувшаяся с небес стрела довершила своё коварное дело: ударила карлика, в грудь пробила её насквозь, пройдя калёным

железом сквозь доброе и бесстрашное сердце. Не успел он и ойкнуть, как душа уже вылетела из тела.

Горько-горько зарыдал царь, закручинились и все его воины, стали утешать царя, да куда там, разве можно в такой горе утешить человека. День прошёл в трауре, второй, на третий день, по обычаю той страны, следовало предать тело героя земле, на которой он и погиб, защищая родину. Вот уже и могилу вырыли, и к помину всё приготовили, но царь всё откладывает момент похорон, не хочет с сыном прощаться. А тут как раз к нему кот Мурлыка подкрался, трётся о его ноги и на руки просится. Хотел царь прогнать кота, но вспомнил о доме, о жене, подумал о сыне, взял его на руки, погладил по спинке, тот замурлыкал, а потом тихонечко сказал царю да так, чтобы никто больше не слышал:

– Не хорони, царь, царевича, пусть ещё полежит.

– Не даст это ничего. С того света не возвращаются.

– Это как сказать. Но про твоего сына я знаю больше, чем ты. Когда он родился, я слышал, как говорил колдун, превративший его в карлика: «Родился урод, всю жизнь уродом проживёт, – а потом добавил, – если, конечно, не умрёт».

Подумал царь, подумал и отдал приказ, возвращаться домой, а похороны сына отменить. На недоумённые вопросы войска он твёрдо ответил, что сын его не был воином, а значит, хоронить его следует по гражданским обычаям, то есть дома. Одобрili воины это решение и дружно пошагали домой. А

царевича завернули в кошму, погрузили на спину ослика и отправили за ними вслед.

Долго нет ли добирались победители до своих семей не знаю, но вернулись на родину все. Прибыл и царь в свою вотчину, спешился, снял со спины ослика печальный груз – завернутое в кошму тельце сына – занёс его во дворец и положил на стол. Набежали тут мамки, няньки, слуги да прислужницы, вбежала мать-царица – все поняли, что это за свёрток на столе. Поднялся тут плач и крик, потекли горячие слёзы, а царица упала в обморок и долго не приходила в себя. А когда пришла, попросила:

– Откройте свёрток, дайте хоть взглянуть на сыночка.

Подбежал какой-то служка, разрезал верёвки, которыми был войлок обвязан, раскрыл его и оторопел от неожиданности.

– Смотрите, смотрите, – закричал он, – смотрите на чудо.

Кинулись все к столу и разом застыли от изумления: на нём лежал не карлик, как можно было бы подумать, а маленький крепенький мальчик неопишущей красоты, который размахивал ручками, брыкался ножками, смотрел по сторонам и довольно гулил.

Обрадовалась царица, подхватила его на руки, целует, плачет от радости:

– Сыночек, сыночка, вернулся, никому тебя не отдам.

Царь тоже глазам не верит и тоже заплакал от радости, заплакали и все дворовые люди.

А когда проплакались, протёрли глаза, глянули, а младенца-то и нет уже, а стоит рядом с родителями – царём и царицей – молодой богатырь: ростом в отца, красотой – в мать. Смотрит вокруг, улыбается. Обнял он родителей:

– Что ж, дорогие мои, объявляйте всему миру, что у вас сын родился, который никому не позволит обидеть ни вас, ни страну нашу, ни народ.

Обрадовался царь и по такому случаю пир устроил, на котором все добрые люди нашли для себя привет и угощенье.

